

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-2-242-249

EDN: HQCZWL

УДК 801.73

Научная статья / Research article

Удивление как хронотопическая особенность мира в стихотворении Ф.И. Тютчева «Есть в осени первоначальной...»

А.А. Аксёнова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

✉ AA9515890227@yandex.ru

Аннотация. Сегодня произведение Ф.И. Тютчева «Есть в осени первоначальной...» лишено герменевтического отношения, несмотря на свою хрестоматийность. В основном оно используется как материал для тренировки школьников в поиске метафор, эпитетов, олицетворений и т.д. Отношение читателя с позиций участного мышления предполагает нечто другое – прояснение художественных закономерностей изображенного мира. Цель исследования – выяснение функциональной роли удивления как особой мыслительно-эмоциональной «операции» в работе автора с материалом. Показано, что благодаря ему происходит дробление художественного времени и одновременно его замедление. В результате изображаемый пейзаж приобретает более детальный характер, автор приходит к выводу об особом антиномическом способе мышления поэта, благодаря которому тонко выписанные детали картины природы становятся воплощением философской идеи о единстве двух аспектов человеческого существования – духовного и материального. Сравнение нити паутины с человеческим волосом в метафоре «паутины тонкий волос» вписывает образ человека в детализированный миропорядок, приобщает его к единству всего сущего. Цикличность жизни выражается сценой жатвы, которая представляет собой не просто воспоминания лирического героя, а указание на грядущую трансформацию.

Ключевые слова: хронотоп, лирика, пейзаж, метафора, художественное время

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 сентября 2024 г.; отрецензирована 26 ноября 2024 г.; принята к публикации 25 января 2025 г.

Для цитирования: Аксёнова А.А. Удивление как хронотопическая особенность мира в стихотворении Ф.И. Тютчева «Есть в осени первоначальной...» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 2. С. 242–249. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-2-242-249>

© Аксёнова А.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Surprise as a Chronotopic Feature of the World in the Poem by F.I. Tyutchev *Exists in the Autumnal Growing...*

Anastasia A. Aksyonova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

✉ AA9515890227@yandex.ru

Abstract. Today, the work of F.I. Tyutchev *Exists in the Autumnal Growing*, despite its textbookness, is devoid of a hermeneutical attitude towards it and is mainly used as a material for training schoolchildren in the search for metaphors, epithets, personifications, etc. The attitude of the reader from the standpoint of participatory thinking suggests something else – clarification of the artistic patterns of the depicted world. The article discusses the image of time and space through the prism of the surprise of the persona. Note that the world of the piece emphasizes wonder before things existent, as well as the fragmentation of time in order to slow down the process of showing (seeing). In the piece, the wonder of the persona contributes to the detail of the landscape. The proximity of the images of a spike and a web, a sickle and an idle trench serves as a representation of two aspects of human existence, where one symbolizes the material-bodied plane and hard work, and the other – the spiritual plane of existence, time, cyclicity, destiny. Comparison of the thread of the web with a human hair in the metaphor of “thinning and unbending, a web string” fits the image of a person into a detailed world order, introduces him to the unity of all that exists. The cyclicity of life is expressed by the harvest scene, which is not just the memories of the persona, but an indication of the upcoming transformation.

Keywords: chronotope, lyrics, landscape, metaphor, artistic time

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 5, 2024; revised November 26, 2024; accepted January 25, 2025.

For citation: Aksyonova, A.A. (2025). Surprise as a Chronotopic Feature of the World in the Poem by F.I. Tyutchev *Exists in the Autumnal Growing...* *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(2), 242–249. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-2-242-249>

Введение

Лирика Ф.И. Тютчева регулярно привлекает внимание исследователей. Об этом свидетельствуют выход известной книги В.В. Кожина (Кожин, 1978), диссертация В.П. Океанского (Океанский, 2002). Хронотопический аспект лирики становится предметом изучения в 2000-е годы XXI в. К примеру, Н.Ю. Абузова отмечает характерную для поэзии Тютчева возможность рассматривать настоящее с позиций вечности и наоборот (Абузова, 2019, с. 144). И.В. Горобец приходит к наблюдению, что с позиций физического восприятия хронотоп лирики Тютчева четко задан и определен. «Лирический субъект Тютчева отличается максимально выраженной способностью видеть запредельное, и не столько видеть, сколько зреть, проникать взором сквозь видимые границы» (Горобец, 2019, с. 62).

Л.Г. Шакирова рассматривает *время* в лирике Ф.И. Тютчева как ассоциацию с изменением и движением, которые характерны для низа, мира повседневности. *Вечность* в его стихах, по словам исследователя, представлена как состояние неизменности, характерная для верха, бесконечного пространства. Тема времени признается доминирующей в творчестве поэта: «Вся лирика природы Тютчева – это, образно выражаясь, желание бесконечно говорить о времени» (Шакирова, 2021, с. 93).

Н.Ю. Абузова в поэзии Ф.И. Тютчева акцентирует *зрелищность* как отличительный принцип, который выражает удивление лирического субъекта и одновременно привлекает внимание к некоему поразительному («феноменологическому», по Л. Пумпянскому) явлению природы, вовлекает в тщательное вглядывание в детали описываемого явления мира (Абузова, 2021, с. 71). Другой важный аспект пространственно-временной организации – *звучащий мир*. В диссертации Н.В. Атамановой выдвигается тезис, что семантика звучания в поэтических контекстах Ф.И. Тютчева не изолирована от других компонентов и выступает в комплексе с семантикой цвета, света, запаха (Атаманова, 2006, с. 8).

Стихотворение Ф.И. Тютчева «Есть в осени первоначальной...» сегодня рассматривается только в двух статьях:

- 1) как материал для школьного урока И.Г. Апальковой (Альпакова, 2011);
- 2) с точки зрения биографического подхода в статье М.С. Акимовой формируется вывод, что на рождение эпитета «хрустальный» мог повлиять некий храм с хрустальным интерьером, знакомый поэту (Акимова, 2022).

Такие результаты не объясняют смысл произведения и особенности художественного пространства в мире стихотворения, которое нуждается в подробном прояснении, связанной системе наблюдений толкователя.

«Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора –
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...
Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё – простор везде, –
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.
Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко ещё до первых зимних бурь –
И льётся чистая и тёплая лазурь
На отдыхающее поле...»

(Тютчев, 1987, с. 195–196).

Результаты и обсуждение

Стихотворение открывается словом «есть», и это задает направление интерпретации: мы понимаем, что субъект владеет неким неочевидным опытом, который будет представлен. Утверждение «есть» предполагает дальнейшее

развертывание умозаключения; указывает на рефлексию лирического героя по поводу уже осуществленного наблюдения, задает динамику изображения.

В этом «есть» констатируется неочевидный факт, присутствие в предмете изображения чего-то столь существенного, но пока скрытого от адресата, что требует внимания как со стороны лирического героя, так и со стороны читателя. Так создается интрига – привлечение внимания адресата, обещание события, откровения. Считаем такой акцент на удивлении чему-то привычному, повседневному характерным для лирики Ф.И. Тютчева. Можно встретить аналогичные по интенции произведения поэта, которые организованы по принципу апелляции к зрению – «смотри...» («Смотри, как облаком живым», «Смотри, как роща зеленеет», «Смотри, как на речном просторе», «Смотри, как запад разгорелся»).

В лирике зачастую концентрация на определенном моменте времени проецируется на изображение всего мира. Мы видим постепенное усиление детализации временного плана: из всего годового цикла лирический герой выделяет одно время года. Осень – предпоследняя стадия природного цикла, однако соседство образов *первоначала* и *осени* усиливает дробление времени. Внутри этого сезона также происходит разделение на этапы, с акцентом на его начале. Возникает переключение «масштаба» времяисчисления от большого к малому, более локальному фрагменту.

Другое значение слова «первоначало» актуализирует его философский подтекст: первоначало было предметом размышления ранних греческих философов, которые считали, что первоначала присутствуют во всех предметах материального мира. Парменид, высказывая идею о бытии, утверждает, что бытие *есть*, а небытия нет. Первое слово произведения Ф.И. Тютчева концентрируется на этом утверждении бытия. Таким образом, словосочетание *первоначальная осень* представляет собой нечто большее, чем только отрезок времени. Оно оказывается в одном ряду с материальной субстанцией, составляющей причину и начало, к которому возвращаются все вещи, – это греческое *αρχή*. В греческом тексте Библии слово *arche* появляется в первом стихе книги Бытия: *ἐν ἀρχῇ ἐποίησεν ὁ θεὸς τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν* (в начале сотворил Бог небо и землю).

Полагаем, что основная интенция первой строфы – удивление бытию. Об этом удивлении тому, что мир «есть», уместно высказался М.К. Мамардашвили: «Философ удивляется тому, что вообще что-то *есть* <...> Удивительно, что есть нечто, а не хаос» (Мамардашвили, 2000, с. 50). В композиционном отношении начало произведения с этого удивления бытию настраивает адресата на всматривание-любование и замедленное разглядывание. Известный метод «медленного чтения» характеризует рецептивную сторону встречи читателя и произведения, но и техника «медленного показывания», характерная для рассматриваемого стихотворения, – это особая установка творца по отношению к способу изображения.

Переключившись с другим произведением Ф.И. Тютчева «*Есть в светлости осенних вечеров / Умильная, таинственная прелесть*» (курсив авт. – А.А.)

(Тютчев, 2002, с. 126) выражается в том, что стихотворение так же начинается с удивления тому, что нечто «есть». Неслучайно позиция умиления сопровождается ситуацией незнания, то есть ощущением *тайны*. Присутствие таинственного, как и в «Есть в осени первоначальной...», создает эффект замедления – оно заставляет созерцателя отступить и медленно всматриваться. Удивление лирического героя в том и в другом случае вызвано не многообразием или странностью явлений, а глубиной постижения привычного и простого.

Такое пристальное всматривание в малый участок пространства или, как в данном случае, в короткий отрезок времени ведет к замедлению, ретардации. Эта установка согласуется с заявленной первым словом стихотворения интенцией привлечения внимания адресата. Хронотопическая характеристика мира выступает поводом для удивления лирического героя, а медленное всматривание и вслушивание позволяет этому удивлению состояться. Как в свое время отмечал А. Шопенгауэр: «Ни одно существо, кроме человека, не удивляется собственному бытию: последнее кажется чем-то понятным само собою, так что его даже не замечают» (Шопенгауэр, 2001, с. 132).

Противопоставление во второй строке таких характеристик, как «короткая, но дивная» акцентирует внимание на том, что именно короткие мгновения зачастую игнорируются в стремительном и крупномасштабном измерении жизни, но именно из них вся жизнь и состоит. Соотношение «короткого» и в то же время «дивного» как характеристика времени подчеркивает ценностный спор с представлением о коротких мгновениях как незначительных, не достойных удивления. Именно обнаруженное героем *диво* выступает в данном произведении катализатором всматривания и замедления. Тесная связь удивления с замедлением отмечалась еще в работах Р. Декарта, который констатировал, что человек, который изумлен или поражен, *замирает, останавливается*, теряет дар речи.

Детализация пространства и времени с помощью удивления героя открывает возможность показывания игры света: лучезарный вечер, хрустальный день. Сравнение дня с хрусталем отсылает прежде всего к прозрачности, которая и способствует игре света, проницаемости лучей. Хрусталь ассоциируется с прозрачностью и *прохладой*, как и осенний воздух. Само слово «хрусталь» произошло от греческого *κρύσταλλος* – «лед». Хрустальный магический шар как атрибут ясновидящих и прорицателей отсылает к известному месту из произведения А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: «И даль свободного романа / Я сквозь магический кристалл / Ещё не ясно различал» (Пушкин, 1960, с. 178). Так и в стихотворении Ф.И. Тютчева хрустальный день открывает лирическому герою пространственные сцены из прошлого и будущего.

Во второй строфе показывается контраст между активным сезоном сбора урожая и праздным, спокойным периодом времени. Освобожденное, переходящее в «режим ожидания» пространство при этом отсылает нас к предшествующей фазе – пахоте, посеву и сбору. Лирический герой наделяется ретроспективным видением того, как «бодрый серп гулял и падал колос» (Тютчев, 1987). Перед ним развернута умозрительная сцена из прошлого, которая сви-

детельствует о том, как это прошлое влияет на восприятие настоящего: земля олицетворяется как *отдыхающая* после работы.

Переживание лирического героя разворачивается из временной точки настоящего времени, но возникающие в его воображении визуальные образы жатвы становятся связующим звеном между разными временными пластами. Особенность образов этой строфы в том, что серп и колосья, сама сцена жатвы представляют собой не просто воспоминания, а указание на трансформацию. Жатва становится метафорой завершённого цикла жизни, который уже не существует в настоящем, но повторится в будущем.

Противопоставление «бодрого» серпа и «праздной» борозды акцентирует смену состояний активного труда (оживленности) и отдыха (спокойствия), что опосредованно вводит в картину жизни подразумеваемый образ человека. «Бодрый» серп олицетворяет человеческое стремление к созиданию, его жизненную активность и энергию. Но и пространство после жатвы («праздная» борозда) – не просто пустота, а полнота потенциала, место на котором должна возникнуть новая картина жизни.

Колосья – это буквально будущий хлеб, а сверкающая паутина – объект созерцания, зрелище. Еще у Ювенала именно фраза *panem et circenses* маркирует основные насущные потребности населения, но в устах сатирика эта фраза носит обличительный, насмешливый характер, а вот в произведении Ф.И. Тютчева колос и паутина вполне серьезно открывают два аспекта человеческого существования, где один символизирует материально-телесное, тяжёлый труд, а другой – духовное существование, время, цикличность и судьбу. Сложно не заметить ценностное напряжение труда (в образе серпа) и разрушения, оставленности и запустения (в образе паутины). Отметим, что способность разглядеть на борозде тонкий волос паутины – показатель определённого ракурса видения созерцателя. Замедление и сосредоточенность на особом (выделенном) мгновении в первой строфе сейчас дополняется приближенным, крупным планом рассматривания мелких деталей. И сниженное в ценностном плане *зрелище* в произведении Тютчева выступает как возвышенное *любование*, мудрое созерцание. Таким образом, труд и созерцание не противопоставляются в ценностном плане, а представляют два важнейших феномена бытия человека.

Паутина, как след существования паука, не знающего о жизни пахарей, сеятелей, жнецов, раскинувшего паутину *здесь и сейчас* в пределах своей краткой жизни насекомого, свидетельствует о природной жизни, которая протекает сама по себе, параллельно человеческой. Важнейший момент – переход от действия к созерцанию, от движения к неподвижности, ведь образование паутины – знак пребывания пространства в *покое*. Паутина, появляющаяся на борозде, отражает таинство перехода от одного состояния к другому, а «праздная» борозда – не просто место покоя, но и место перерождения. В ней скрыто будущее. Паутина, как и борозды, создает некую иллюзию покоя, неподвижности, однако в нее вплетены тонкие нити судьбы (прошлой жатвы и будущего – зимних бурь, грядущего посева), невидимые невооруженным глазом.

Союз «но», отодвинув бури в будущее, связывает тему образовавшейся пустоты с предстоящей зимой, страданием, смертью, что создает контраст к лучезарному настоящему.

Блеск паутины от росы перекликается с упомянутой в первой строфе прозрачностью хрусталя, которая связана с темой света. Удивление бытию далее раскрывается (детализируется) как *процесс созерцания* и удивление созерцателя. Происходит переход от широкого, панорамного видения к более детальному, за счет концентрации на конкретном элементе пейзажа – паутине. Ее сверкание в лучах солнца превращает простую паутину в символ непроницаемой тайны мира, тем самым сближая понятия *истины* и *красоты*. Сравнение нити паутины с человеческим волосом вписывает образ человека в детализированный миропорядок, приобщает его к единству всего сущего.

В третьей строфе фокус внимания смещается на акустическую составляющую изображаемого пространства и времени. Наступает момент, когда созерцатель, вслушиваясь в окружающую тишину, обнаруживает, что птиц не слышно. Как и в предыдущих строфах, лирический герой не просто излагает этот факт, для художественной целостности мира важно услышать отсутствие птиц, саму тишину как фазу перехода и предвестницу зимней стужи.

Конечно, человеческие органы восприятия действуют одновременно, то есть параллельно с созерцанием поля во второй строфе лирический герой слышит и тишину. Однако *в событии показывания* эти процессы разворачиваются последовательно. И это служит детализации изображения: в композиционном плане изображение тишины требует отдельной строфы. Пустеющее поле воздействует на взгляд, пустеющий воздух – на слух. Акустическая тишина, подобно зримому образу пустого поля, становится полноценным элементом пейзажа и частью его атмосферы.

Заключение

Все аспекты изображенного хронотопа в произведении представлены через призму особой точки зрения лирического субъекта – позицию удивления. Именно удивление позволяет осуществлять медленное показывание, подчеркивая ценность момента в его прямом созерцании. Слово «есть» концентрируется на утверждении бытия, представляя нечто большее, чем просто отрезок времени. Созерцательное удивление разделено на три фазы, композиционно обозначенные делением на строфы. Акцент сделан на удивлении привычному, что характерно для лирики Тютчева: слово «дивный» объединяет удивление и восхищение. Контраст между активным и спокойным сезоном открывает ретроспективное видение героя. Серп становится метафорой заверщенного цикла, а пространство после жатвы представляет потенциал возрождения. Внимание к акустической составляющей пейзажа – тишине – акцентирует наступление осени. Отсутствие звуков символизирует перемены, переход от жизни к смерти, от наполненности к пустоте, от деятельности к отдыху. Лирический герой размышляет, пытается понять смысл того, что видит, «вспомни-

нает» грядущее. В ситуации цикличности времен года на первый взгляд возникает парадоксальная ситуация – человек не планирует или угадывает, а именно *вспоминает* будущее, оглядываясь на свой прошлый опыт.

Список литературы

- Абузова Н.Ю. Колористический аспект пейзажа в стихотворениях Ф.И. Тютчева // Во власти культуры и текста : сб. науч. трудов к юбилею д-ра филол. наук, проф. Галины Петровны Козубовской / под ред. П.В. Маркиной, Н.М. Абиевой, М.С. Михайловой, В.Ф. Степиной. Барнаул : Алтайский государственный педагогический университет, 2021. С. 271–288.
- Абузова Н.Ю. Пространственно-временная модель в лирике Ф.И. Тютчева // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. 2008. № 8(2). С. 138–147.
- Акимов М.С. «Весь день стоит как бы хрустальный»: о возможном источнике знаменитого эпитета Ф.И. Тютчева // Документально-художественная литература в России XVIII–XIX вв. М. : Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 2022. С. 382–390.
- Апалькова И.Г. Стихотворение Ф.И. Тютчева «Есть в осени первоначальной...». V класс // Литература в школе. 2011. № 8. С. 42–43.
- Атаманова Н.В. Семантика звукообозначений в поэзии Ф.И. Тютчева : дис. ... канд. филол. наук : специальность 10.02.01 «Русский язык». Брянск, 2006. 226 с.
- Горобец И.В. Пространственно-временное пограничье в лирике Ф.И. Тютчева и культура барокко // Современное есениноведение. 2019. № 2(49). С. 63–67.
- Кожин В.В. После А.С. Пушкина. Ф.И. Тютчев и его школа // Книга о русской лирической поэзии XIX века : Развитие стиля и жанра. М. : Современник, 1978. С. 95–154.
- Мамардашвили М. Мой опыт нетипичен. СПб. : Азбука, 2000. 400 с.
- Океанский В.П. Русская метафизическая лирика XIX века (Е.А. Баратынский, А.С. Хомяков, Ф.И. Тютчев, поэтика пространства) : дис. ... д-ра филол. наук : специальность 10.01.01 «Русская литература». Иваново, 2002. 286 с.
- Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10 томах. Т. 4 : Евгений Онегин ; драматические произведения. М. : Гослитиздат, 1960. 598 с.
- Тютчев Ф.И. Осенний вечер («Есть в светлости осенних вечеров...») // Полное собрание сочинений и писем : в 6 томах. Т. 1 : Стихотворения, 1813–1849. М. : Классика, 2002. С. 126.
- Тютчев Ф.И. «Есть в осени первоначальной...» // Полное собрание стихотворений. Л. : Советский писатель, 1987. С. 195–196.
- Шакирова Л.Г. Символика времени и вечности в лирике природы Ф.И. Тютчева // Два века русской классики. 2021. Т. 3. № 2. С. 62–95.
- Шопенгауэр А. Собрание сочинений : в 6 томах. Т. 2 : Мир как воля и представление. М. : Республика, 2001. 560 с.

Сведения об авторе:

Аксёнова Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Кемеровский государственный университет, Российская Федерация, 650000, Кемерово, ул. Красная, д. 6. ORCID: 0000-0001-5048-6019; SPIN-код: 7548-7218. E-mail: AA9515890227@yandex.ru